

УДК 811.161

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ИЛИ ВЕЩЕСТВЕННЫЕ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОГО РАЗРЯДА НЕКОТОРЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Чабаненко Т. С.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Российская Федерация
e-mail: kostina-tatyana@mail.ru*

В статье показан пример рассуждений, позволяющих определить лексико-грамматический разряд существительных в тех случаях, когда он не очевиден. Существительные, называющие плоды, ягоды одноименных растений, типа «клубника», «смородина», «виноград» и под., в толковых словарях толкуются неоднозначно, многие из них имеют помету «собирательные». Мы уверены, что распределение существительных на лексико-грамматические разряды должно опираться в первую очередь на их семантику, описание которой до сих пор неоднозначно и неполно. Так, в определении и вещественных, и собирательных существительных используются понятия «целостность», «однородность», что мешает разграничению этих разрядов. Функционально же вещественные и собирательные существительные различаются: первые передают категории низшего уровня, из которых состоят все объекты окружающего мира, а вторые предназначены для обозначения категорий высшего уровня, объединение в которые происходит благодаря появлению некоторого важного нового признака. Это различие помогает однозначно определить лексико-грамматический разряд слов «клубника», «смородина», «виноград» и под. Подтверждается наш вывод анализом синтагматических и деривационных особенностей слов этой тематической группы. Употребительность или неупотребительность в формах единственного и множественного числа для вещественных и собирательных существительных различительным критерием служить не может.

Ключевые слова: лексико-грамматический разряд, вещественные существительные, собирательные существительные, семантика.

ВВЕДЕНИЕ

Лексико-грамматические разряды существительных играют важную роль в передаче информации о реальной действительности, в категоризации разного рода объектов. Их изучение ведется уже долгое время, однако до сих пор сопряжено с рядом трудностей. В частности, у ученых отсутствует общий взгляд на критерии разграничения лексико-грамматических разрядов и на саму систему лексико-грамматических разрядов имени существительного. В лингвистической литературе XX в., особенно в учебной, традиционно при распределении существительных на лексико-грамматические разряды основное внимание уделялось описанию их грамматических свойств, в первую очередь наличию или отсутствию полной числовой парадигмы, а также синтагматических возможностей (сочетаемость с количественными числительными, неопределенно-количественными словами, единицами меры и т. д.) и деривационных особенностей (труды А. А. Шахматова, Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, А. Н. Гвоздева, А. А. Реформатского и др.). Однако не следует забывать, что лексико-грамматические разряды – «это такие подклассы данной части речи, которые обладают общим семантическим признаком, влияющим на способность слов выражать те или иные морфологические значения или вступать в противопоставления в пределах морфологических категорий» [15, с. 459], т. е. в первую очередь лексико-грамматический разряд выделяет на основании семантических особенностей некоторой группы слов.

В действительности ни для одного лексико-грамматического разряда приписываемые ему грамматические свойства не являются всеобъемлющими. Так, к конкретным существительным, традиционно имеющим формы единственного и множественного числа, принадлежат и некоторые существительные *pluralia tantum* (*ножницы, грабли, брюки*); ряд вещественных и абстрактных существительных, основным признаком которых считается неполная числовая парадигма, имеет формы единственного и множественного числа (*запах – запахи, сахар – сахара, чтение – чтения, свобода – свободы*); к собирательным существительным, обычно характеризующимся набором определенных суффиксов, с семантической точки зрения принадлежат некоторые непроеизводные слова *singularia tantum* (*мебель, посуда*); немало существительных, называющих отвлеченные действия, нематериальные сущности, что характерно абстрактным существительным, к примеру, слова *идея, путешествие, мысль* не только имеют формы единственного и множественного числа (*идея – идеи, путешествие – путешествия, мысль – мысли*), но и употребляются с количественными числительными (*одна идея, две мысли, три путешествия в год*). Таким образом, ни морфологические, ни деривационные, ни синтагматические признаки не являются достаточно регулярными, чтобы именно на них основывалось распределение имен существительных на лексико-грамматические разряды. Семантика же лексико-грамматических разрядов толкуется исследователями по-разному и, как правило, достаточно общо. Все это приводит к неодинаковому пониманию границ того или иного лексико-грамматического разряда. Так, обсуждается вопрос об отнесении слов *народ, полк, отряд, стая, стадо*, называющих определенную группу лиц или животных, объединенных по тому или иному признаку, к собирательным (на основании семантики) или конкретным (на основании грамматических особенностей: полной числовой парадигмы, сочетаемости с количественными числительными) существительным. Л. Л. Буланин и Л. Д. Чеснокова говорили о семантической близости к собирательным существительным *кудри, финансы, заросли, руины, развалины* [3; 19].

В ряде научных работ второй половины XX – начала XXI в. (например, Л. О. Чернейко, В. Ф. Васильевой, Н. К. Демьяненко, Л. В. Калининой, Р. П. Козловой) лексико-грамматические разряды существительных описываются с опорой на логико-философские категории, внимание акцентируется на смысловых признаках существительных. Так, Л. О. Чернейко разграничивает конкретные и абстрактные существительные по тому, как они обобщают явления действительности: конкретные существительные обобщают предметы действительности, которые сохраняют свой чувственный образ; абстрактные существительные обобщают стороны материальной действительности, объединенные только на уровне мысли [18].

Дополнительные трудности вызывает многозначность существительных и связанные с ней переходные явления внутри лексико-грамматических разрядов [10; 12]. Справедливо отмечается, что для многих существительных однозначно определить лексико-грамматический разряд не представляется возможным, необходимо рассматривать лексему в контексте.

Среди четырех традиционно выделяемых лексико-грамматических разрядов (конкретные, вещественные, собирательные, абстрактные) в первую очередь противопоставлены друг другу конкретные и абстрактные. Вещественные и собирательные рассматриваются как особые группы внутри конкретных существительных или же указывается их близость к конкретным существительным. В некоторых случаях, когда собирательность не выражается с помощью специальных суффиксов, однако предмет представляется как членимый, возникают трудности с разграничением вещественных и собирательных существительных. К таким словам относятся существительные, называющие растения, их плоды и ягоды, типа *орех, клубника, смородина, виноград* и под. **Цель** нашего исследования – определить, к какому лексико-грамматическому разряду стоит относить такие существительные, и показать ход рассуждений при определении лексико-грамматической природы существительных в спорных случаях.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Группа существительных, называющих растения и их плоды, весьма обширна. Есть в русском языке случаи, когда растение и его плод имеют различное название, например, *яблоня – яблоко*. Однако намного чаще оба значения сосредоточены в одной лексеме: *альча, айва, вишня, груша, персик, слива, черешня, шелковица, голубика, ирга, клубника, клюква, малина, морошка, смородина* и пр.

Так как основным критерием распределения имен существительных на лексико-грамматические разряды мы считаем семантику, в первую очередь были рассмотрены словарные толкования существительных данной группы.

Обратившись к словарным дефинициям существительных, называющих растения и их плоды, можно увидеть, что у всех в толковании присутствует указание, что это некое растение (травянистое, кустарниковое, древовидное), а также ягоды этого растения. В одних словарных статьях название растения и название ягод растения объединены в одно лексическое значение: «КЛУБНИКА, -и; ж. Травянистое растение рода земляники сем. розоцветных; ягоды этого растения» [2]; «АЙВА, -ы; мн. нет; ж. [тюрк. *aıva*]. Южное плодородное дерево семейства розоцветных с ароматными жёлтыми, кисло-сладкими плодами, похожими по форме на яблоко или грушу; плод такого дерева. **собир.** Плоды этого дерева. *Варенье из айвы*» [2]. В других словарных статьях они рассматриваются как оттенки одного лексического значения: «ЗЕМЛЯНИКА, -и; ж. Многолетнее травянистое растение сем. розоцветных, с белыми цветами, дающее душистые плоды розовато-красного цвета. 3. пускает усики. Лесная з. Садовая з. Урожайный сорт земляники. // **собир.** Ягоды этого растения» [2]; «ГРУША, -и; ж. 1. Фруктовое дерево семейства розоцветных с крупными сладкими плодами в виде округлого конуса. *Груша-дюшес* (зимний, осенний сорт груши). // Плоды этого дерева. *Мягкая, сочная г. Деревянная, дубовая г.* (очень крепкая). **собир.** *Повидло из груши*» [2]. Также есть примеры, когда название растения и название его ягод составляют разные значения многозначного слова: «ВИНОГРАД, -а (-у); м. 1. Вьющееся теплолюбивое кустарниковое растение с гроздьями крупных сочных ягод, употребляемых в пищу или используемых для приготовления вина, соков, изюма и т. п. 2. **собир.** Ягоды этого растения» [2];

«СЛИВА, -ы; ж. 1. Плодовое дерево или кустарник семейства розоцветных. *Посадить сливу. Вырастить сливу. Дикая с. Домашняя с. Жёлтая с. Уссурийская с. Китайская с. Ранняя с. Зимостойкая с. С. засохла. Сливы хорошо цветут.* 2. Плод этого дерева, кустарника лилового, жёлтого и др. цвета с крупной косточкой. *Сорвать сливу. Съесть сливу. Сладкие сливы. Зелёные сливы. Мелкие сливы. **собир.** Сушить сливу. Маринованная с. Варенье из сливы. Компот из сливы.»* [1] В одних случаях (чаще всего) для обозначения ягод растения имеется помета «собир.», в других ее нет: «МАЛИНА, -ы; ж. 1. Кустарниковое ягодное растение сем. розоцветных с душистыми сладкими ягодами обычно красного цвета. // Ягоды этого растения» [2]. Как видим, в толковании этих явно однородных понятий прослеживается непоследовательность, лексикографическое описание таких существительных требует пересмотра.

Посмотрим, как дается лексикографическое описание этих существительных в других словарях. Например, в МАС чаще всего название и растения и его плодов представлены как разные лексические значения: «АЙВА, -ы, ж. 1. Южное плодовое дерево сем. розоцветных. 2. Плод этого дерева, похожий по форме на яблоко или грушу. *Вы знаете айву? Это что-то вроде крепкого, кисловатого яблока с терпкостью, от которой вяжет во рту.* И. Гончаров, Фрегат «Паллада». | *в знач. собир. Варенье из айвы»* [16, т. 1, с. 27]; «ВИНОГРАД, -а (-у); м. 1. Вьющееся плодовое кустарниковое растение. 2. **собир.** Ягоды этого растения» [16, т. 1, с. 176]. Но и в этом словаре такой подход реализуется не для всех лексем этой группы, например: «ШЕЛКОВИЦА, -ы, ж. Южное дерево сем. тутовых, со съедобными плодами, листьями которого выкармливают гусениц тутового шелкопряда, тут², тутовое дерево <...> || **собир.** Плоды этого дерева» [16, т. 4, с. 708]. Более последовательно в МАС дается и помета «собирабельное»: как правило, для травянистых и кустарниковых растений она сопровождает второе лексическое значение (плод, ягода), а для древесных вынесена ко второму значению как особенность употребления слова (за знаком |) и сопровождается примером словосочетания с существительными варенье или компот.

Так как мыслительный образ смородины, малины и т. п. как кустарника с ветками, листьями, ягодами и смородины, малины и т. п. как множества ягод, обычно спелых и собранных, т. е. отделенных от материнского растения, существенно различаются, считаем необходимым рассматривать все эти существительные как многозначные и относить к тому или иному лексико-грамматического разряду не лексему в целом, а каждое лексическое значение в отдельности.

Рассмотрим те случаи, когда существительные *клубника, смородина, виноград* и под. называют ягоды растения. Часто именно эти значения сопровождаются в толковом словаре пометой «собир.», то есть существительные в этом значении считаются собираемыми.

Семантика собираемых существительных определяется исследователями не одинаково. В «Русской грамматике» указано, что собираемые слова называют «совокупность однородных предметов» [15, с. 461]. В других работах делается акцент на целостность группы предметов, обозначаемых собираемыми существительными. Например, А. Н. Гвоздев отмечает, что «значение категории

собираемости заключается в том, что группа предметов представляется как единое целое» [5, с. 143]. А. Н. Тихонов также обращает внимание на неделимость множества, названного собирательным существительным: «Собирательные существительные обозначают неопределенное множество предметов или лиц как одно неделимое целое» [17, с. 103]. Однако понятие целостности при определении собирательных существительных требует уточнения, ибо «за собирательным именем всегда стоит некоторый ряд дискретных предметов, которые по крайней мере потенциально доступны пересчету» [11, с. 473]. Р. П. Козлова отмечает, что «языковое сознание, фиксируя слова названной лексико-семантической группы в целом, напрямую соотносит каждый концепт ее с конкретными существительными» [9, с. 26]. В то же время исследовательница отмечает, что соотношение это носит нерегулярный характер, что подтверждается существованием, с одной стороны, таких слов, как *хлам, мусор, утиль*, а с другой стороны, слов *смородина, крыжовник, вишня* и под.

Для собирательных существительных важна не столько количественная, сколько качественная сторона, т. е. однородность совокупности предметов. О качественной стороне в значении собирательных существительных говорил еще А. А. Потебня: переход качественности в собираемость происходит в тех случаях, когда «качество, понимаемое как *особь* (лицо), принадлежащая другой особи, служит символом многих обладающих этим качеством» [13, с. 36]. Идеи однородности и безразличия к количественной составляющей отражены в определении В. И. Дяттерева: «Собираемость – совокупное множество однородных предметов, мыслимое материально, безотносительно к его количественному содержанию» [7, с. 65]. В то же время степень однородности лиц или предметов, называемых теми или иными собирательными существительными (*мошкара, листва, братва* – с одной стороны, *мебель, посуда* – с другой), различается.

Дополняет определение собирательных существительных Л. В. Калинина: «собираемые имена используются при необходимости назвать только такую *совокупность предметов, которая приобретает новое качество* по сравнению как с отдельным предметом, так и с раздельным множеством этого класса» [8, с. 64]. Так, *пять шкафов* – это еще не мебель; *молодежь* – не просто совокупность молодых людей, это группа лиц, имеющих специфические социальные и психологические черты. Т. е. собирательные существительные необходимы человеку для того, чтобы отличить один класс объектов от другого, чтобы подчеркнуть тот признак, который является объединяющим для совокупности. Это приводит к тому, что только собирательные существительные всецело представлены существительными вышестоящих категорий, теми, которые называют классы, состоящие из некоторых членов класса (нижестоящая категория). При этом сама нижестоящая категория не обязательно должна быть представлена однокоренными словами. Так, по отношению к собирательному существительному *мебель* членами класса являются *стол, шкаф, парта, кровать, стул* и др. имена.

Существительные *клубника, смородина, виноград* и под. в значении «ягоды растения» действительно называют определенное множество однородных предметов (ягод), т. е., исходя из толкования семантики собирательных существительных,

данного в «Русской грамматике», могут быть отнесены к собирательным. Однако разве мы можем назвать то новое качество, которое должно быть присуще собирательному существительному в сравнении с отдельным предметом (одной ягодой) или множеством этого класса? Разве мы мыслим *клубнику, смородину, виноград* и под. вне зависимости от их количественного содержания? Разве они представляют собой неделимое целое? Очевидно, нет. *Клубнику, смородину, виноград* и под. можно (и именно так регулярно происходит) делить на горсти, измерять стаканчиками, мисками, килограммами, ящиками и т. д., при этом они не перестают быть *клубникой, смородиной, виноградом* соответственно: *Взял я горсть малины, и впрямь показалось, что яблоками пахнет* (А. А. Ливеровский); *Она подавала раненым судно, уговаривала их пить кипяченую воду, стирала мокрой тряпкой пыль, опраивала постели, на стоянке, по просьбе раненых, сбегала на станцию и купила ведро малины* (В. Ф. Панова); *А та нарвала пригоршню красной смородины, потчует* (И. С. Шмелев); *На столе целая гряда чищенной клубники, печенье, масло, сливки и окорок ветчины* (М. Е. Салтыков-Щедрин); *Я купил пять плиток и кило винограду* (Д. А. Гранин); *Солдаты, встречая арбу, просили у казачек винограда, и казачка, на ходу влезая на арбу, брала оханку винограда и сыпала ее в полу солдата* (Л. Н. Толстой). Как знаем, собирательным существительным это не характерно. Мы можем сочетать собирательные существительные с наречиями *много-мало (много мебели, мало молодежи)*, но не с единицами меры.

Возможность разделить на части, измерить характеризует не собирательные, а вещественные существительные: *килограмм пшеницы, литр масла, тонна цемента, горсть муки* и пр. Таким образом, по синтагматическим особенностям существительные типа *клубника, смородина, виноград, груша* уподобляются вещественным существительным. Однако, как мы говорили, определяющим для отнесения лексемы к тому или иному лексико-грамматическому разряду мы считаем не грамматические или деривационные особенности, а семантический критерий. Поэтому рассмотрим, что обозначают вещественные существительные.

В «Русской грамматике» вещественные существительные характеризуются путем перечисления тематических групп: «Существительные вещественные называют вещества: пищевые продукты (*жир, крупа, мука, сахар*), материалы (*гипс, цемент*), виды тканей (*бархат, ситец*), ископаемые, металлы (*железо, уголь, олово, сталь, изумруд, яшма*), химические элементы, лекарства (*уран, пирамидон, аспирин*), сельскохозяйственные культуры (*овес, картофель, пшеница*) и другие однородные делимые массы» [15, с. 462]. По мнению А. Н. Гвоздева, вещественные существительные распадаются на две группы: «Категория вещественности включает имена существительные, обозначающие сплошные, не распадающиеся на отдельные экземпляры вещества. <...> К вещественным относятся обозначения и тех сыпучих веществ, которые состоят из мелких частиц, счет которых в быту не находит применения» [5, с. 143]. Дополняет характеристику вещественных существительных указанием на их синтагматические возможности А. Н. Тихонов: вещественные существительные «обозначают однородные по составу вещества (однородную массу чего-либо), материалы, которые делятся на части, сохраняющие свойства целого, и которые можно измерять (но не считать)» [17, с. 102]. Как видим, в толковании

семантики и вещественных, и собирательных существительных присутствуют понятия однородности, целостности, что и приводит к трудностям в разграничении собирательных и вещественных существительных. По мнению Л. В. Калининой, «вещественные существительные обозначают *то, из чего изначально состоит или создается объект (его детали) и то, что нужно для дальнейшего продления его бытия, а также отходы его материального существования*»; «большая часть вещественных существительных называет субстанции, необходимые для обеспечения материального существования человека» [8, с. 63]. Такое определение вещественных существительных через их функцию положительно выделяется на фоне других тем, что не имеет ничего общего с определением собирательных существительных. *Земляника, смородина, виноград* и под., будучи продуктами питания, несомненно, важны для продления бытия человека, они же могут выступать как основа для других продуктов питания: варенье, джем, компот и т. д. (последние являются вещественными существительными). Таким образом, с семантической точки зрения существительные *клубника, смородина, виноград* и под., обозначающие ягоды растений, являются вещественными, а не собирательными существительными.

Проанализировав семантические особенности исследуемых существительных, необходимо обратить внимание на их грамматические и синтагматические характеристики. И вещественные, и собирательные существительные включают в себя в основном неизменяемые по числам, имеющие только формы единственного числа существительные (*singularia tantum*), реже – только формы множественного числа (*pluralia tantum*): *золото, цемент, мука, телятина аспирин, рожь* – вещественные существительные *singularia tantum*; *детвора, воронье, молодежь, родня, дичь, сор* – собирательные существительные *singularia tantum*. И те, и другие в большинстве своем не могут сочетаться с количественными числительными. Поэтому данные критерии не могут быть использованы для уточнения лексико-грамматического разряда существительных типа *клубника, смородина, виноград* и под.

Вещественные существительные, в отличие от собирательных, сочетаются с единицами меры: как бы мы ни делили вещество, каждая его часть сохраняет качество целого, что отличает вещественные существительные и от конкретных, и от собирательных. *Клубника, смородина, виноград* и под. как множество ягод представляют собой то, что даже при делении на мелкие части (вплоть до одной ягоды или даже половины, четверти ягоды) будет сохранять те же свойства (цвет, вкус, запах и проч.), что и множество ягод. *Клубнику, смородину, виноград* можно измерить с помощью единиц меры, что показывают приведенные выше примеры, но нельзя посчитать: сами существительные *клубника, смородина, виноград* и под. не сочетаются с количественными числительными, с ними может сочетаться только слово *ягода* в словосочетаниях *ягода клубники, ягода смородины, ягода винограда*. То есть синтагматически слова *клубника, смородина, виноград* и под. ведут себя как вещественные.

Особо следует сказать о других существительных, называющих растения и их плоды, а именно о тех, которые называют плоды деревьев: *груша, персик, слива* и т. д.

С точки зрения грамматических и синтагматических свойств они мало чем отличаются от конкретных существительных. Эти слова имеют полную числовую парадигму: *Все деревья, кусты и цветы перед ней преклонялись, а спелые плоды, груши, персики и наливные яблочки сами в рот лезли* (С. Аксаков); *Его за это велели высечь крыжовником, а он испугался и сказал, что будто в самом деле он съел сливы* (Н. Лесков). Они могут сочетаться с количественными числительными: *Три груши погнили, а семь штук Тардифф купил в Петербурге за семьсот рублей* (Ю. Тынянов); *Оставшиеся восемь персиков вымыли* (А. Арканов); *Мало ли что можно на него купить: два пирожка с вареньем, кусок халвы, стакан малинового кваса, десять слив, целое яблоко, словом, без конца...* (А. Куприн). В то же время они сочетаются с единицами меры: *Мы купили три килограмма слив; Для приготовления пирога понадобится 400 грамм персиков*. В обыденной жизни мы едва ли не чаще используем сочетание таких существительных с единицами меры, нежели указываем на отдельные, считанные плоды. В то же время конкретные существительные с единицами меры чаще всего не сочетаются: **пять килограмм столов, *шестьсот грамм чашек, *килограмм учеников*.

Собирательные существительные характеризуются возможностью входить в тройственный ряд с однокоренными конкретными существительными: *студенчество – студент – студенты, орешник – орех – орехи, мошкара – мошка – мошки*. Существительные типа *виноград* также образуют тройственный ряд: *виноград – виноградина – виноградины*. В разговорной речи большее количество существительных образует производные единичные: *земляника – земляничина – земляничины, клубника – клубничина – клубничины*. Для некоторых исследователей, в частности для А. А. Реформатского, собирательными существительными являются только те, которые стоят в вершине треугольника, соотносящего собирательное с однокоренным конкретным существительным, имеющим формы единственного и множественного числа: *зверье – зверь – звери* [14, с. 393–394]. При таком узком понимании к собирательным не принадлежат слова типа *мебель, посуда, хлам, рухлядь, дичь*. Зато, если считать вхождение в тройственный ряд достаточным для определения существительного именно как собирательного, должны быть признаны собирательными не только *виноград*, но и *снег* (снежинка – снежинки), *песок* (песчинка – песчинки), *пух* (пушинка – пушинки), *шерсть* (шерстинка – шерстинки), *крупа* (крупинка – крупинки) и многие другие существительные, традиционно относимые к вещественным. Это, конечно, нелогично, потому что главным критерием определения лексико-грамматического разряда существительного является его семантика. Видимо, в данном случае речь идет либо о тройственном ряде иного характера (существительные с суффиксом *-инк-* ряд исследователей выделяет в особый разряд единичных существительных, в то время как слова *зверье, студенчество, профессура* и под. образуют тройственный ряд с конкретными существительными без суффиксов со значением единичности), либо о том, что не только собирательные, но и некоторые вещественные существительные могут входить в тройственный ряд.

ВЫВОДЫ

Определение лексико-грамматического разряда существительного должно опираться на семантический критерий. Именно он является ведущим. Описание семантики лексико-грамматических разрядов существительных в учебниках и грамматиках требует уточнения. Вещественные и собирательные существительные нередко характеризуются с помощью схожих понятий: однородный, целый. Это вызывает трудности в разграничении данных групп. Соглашаясь с Л. В. Калининой, считаем, что вещественные существительные называют те материальные объекты разной природы, которые обеспечивают бытие человека, они ценны как единый, цельный объект, который в то же время может быть поделен на части в соответствии с потребностями того, кто его использует. Использование вещества предполагает, предопределяет его деление на части, каждая из которых является равнозначным представителем этого вещества. Собирательные существительные называют совокупность лиц, предметов, которые, будучи составными элементами этого объединения, обладают неким особым, значимым для этого объединения, качеством. Совокупность существует как целое, деление ее на части не имеет смысла, в таком случае каждая из частей либо перестает быть совокупностью, либо приобретает новое свойство по сравнению с первой совокупностью.

Лексико-грамматический разряд существительных *клубника, смородина, виноград* и под., называющих растения и плоды этих растений, следует определять на уровне лексического значения, которых у данных существительных не менее двух: растения и плод этого растения. В первом лексическом значении такие существительные относятся к типичным конкретным существительным. В значении «ягоды, плоды растений» целесообразно относить их к вещественным существительным, так как они называют продукты питания и то, из чего можно в дальнейшем изготовить другие продукты питания. Множество, образуемое ягодами *клубники, смородины, винограда*, делимо на части (что подтверждается возможностью этих существительных сочетаться с единицами меры), оно не приобретает нового качества по сравнению с отдельными единицами этой совокупности, напротив, каждая часть такой совокупности сама по себе представляет ту же совокупность, но иного размера. Таким образом, не только семантические, но и синтагматические особенности указывают на место этих существительных среди вещественных. Традиционная лексикографическая практика сопровождения таких слов, значений и оттенков значений пометой «собир.» ошибочна и вводит в заблуждение носителей языка.

В дальнейшем актуально рассмотреть особенности тройственных рядов, образуемых с участием вещественных и собирательных существительных. Также особый интерес для исследования представляют существительные типа *груша, слива* и др. в значении «плоды деревьев». Они сочетаются, с одной стороны, с единицами меры, с другой стороны, с количественными числительными. Возможно, в разных коммуникативных ситуациях носители языка могут осознавать их и как количественные, и как вещественные.

Список литературы

1. Белов В. А. Семантические свойства имен существительных различных лексико-грамматических разрядов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 38–48.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. С-Пб.: Норинт, 1998. – 1534 с. Режим доступа: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovuj-slovar> (дата обращения 26.02.2024).
3. Буланин Л. Л. Трудные вопросы морфологии. – М.: Просвещение. – 1976. – 208 с.
4. Вольская Ю. А. Морфологический критерий разграничения абстрактных и конкретных существительных: экспериментальный подход // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2021. – Т. 163. – кн. 1. – С. 119–129.
5. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык: В 3 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис. Пунктуация. – К.: Вища школа, 1979. – 280 с.
6. Демьяненко Н. К. Лексико-грамматические разряды имен существительных в современном русском языке: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. –Днепропетровск, 1972. – 14 с.
7. Дяттерев В. И. Категория числа в славянских языках. – Р.-н-Д.: Южный федеральный университет, 2014. – 344 с.
8. Калинина Л. В. К вопросу о критериях выделения и отличительных приметах лексико-грамматических разрядов имен существительных // Вопросы языкознания. – 2007. – № 3. – С. 55–70.
9. Козлова Р. П. Лексико-грамматические разряды имен существительных в когнитивном аспекте // Вестник тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 1999. – № 1 (13). – С. 23–29.
10. Лантева М. Л., Лукина Н. В. Комбинаторика лексико-грамматических разрядов имен существительных в русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 3. – С. 27–37.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
12. Орлова С. Л. Переходные явления в системе лексико-грамматических разрядов имени существительного в русском языке // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры. Материалы всероссийской научно-методической конференции. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2016. – С. 2070–2073.
13. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. III. Об изменении значения и заменах существительного. – М.: Просвещение, 1968. – 551 с.
14. Реформатский А. А. Число и грамматика // Вопросы грамматики. Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова. – М.–Л.: АН СССР, 1960. – С. 384–401.
15. Русская грамматика: В 2 тт. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. – 784 с.
16. Словарь русского языка: В 4 тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985–1988. – Т. 1: А – Й. – 1985. – 696 с. – Т. 2: К – О. – 1986. – 736 с. – Т. 3: П – Р. – 1987. – 752 с. – Т. 4: С – Я. – 1988. – 800 с.
17. Современный русский язык: В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. – М.: Просвещение, 1981. – 270 с.
18. Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2010. – 272 с.
19. Чеснокова Л. Д. Русский язык. Трудные случаи морфологического разбора. – М.: Высшая школа, 1991. – 191 с.

References

1. Belov V. A. Semanticheskie svojstva imen sushhestvitel'nyh razlichnyh leksiko-grammaticeskikh razrjadov [Semantic properties of nouns of various lexical-grammatical categories]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Jazykoznanie, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 38–48.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [A large explanatory dictionary of the Russian language]. Ed. by S. A. Kuznecov. St. Petersburg, Norint Publ., 1998, 1534 p. Available from: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (accessed 26 February 2024).
3. Bulanin L. L. Trudnye voprosy morfologii [Difficult questions of morphology]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1976. 208 p.
4. Vol'skaja Ju. A. Morfologicheskij kriterij razgranichenija abstraktnyh i konkretnyh sushhestvitel'nyh: jeksperimental'nyj podhod [Morphological criterion for distinguishing abstract and concrete nouns: an experimental approach]. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija gumanitarnye nauki, 2021, vol. 163, b. 1, pp. 119–129.
5. Gvozdev A. N. Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk: v 3 ch. Ch. 2. Morfologija. Sintaksis. Puntuacija [Modern Russian literary language in 2 parts. P. 2. Morphology. The syntax. Punctuation]. Kiev, Vishha shkola Publ., 1979. 280 p.
6. Dem'janenko N. K. Leksiko-grammaticeskie razrjady imen sushhestvitel'nyh v sovremennom russkom jazyke: Avtoref diss. ... kand. filol. nauk [Lexical-grammatical categories of nouns in modern Russian]. Dnepropetrovsk, 1972. 14 p.
7. Djagterev V. I. Kategorija chisla v slavjanskih jazykah [The category of number in Slavic languages]. Rostov-on-Don, Juzhnyj federal'nyj universitet Publ., 2014. 344 p.
8. Kalinina L. V. K voprosu o kriterijah vydelenija i otlichitel'nyh primetah leksiko-grammaticeskikh razrjadov imen sushhestvitel'nyh [On the issue of criteria for the allocation and distinctive signs of lexical-grammatical categories of nouns]. Voprosy jazykoznanija, 2007, no. 3, pp. 55–70.
9. Kozlova R. P. Leksiko-grammaticeskie razrjady imen sushhestvitel'nyh v kognitivnom aspekte [Lexico-grammatical classes of nouns in the cognitive aspect]. Vestnik tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki, 1999, no. 1 (13), pp. 23–29.
10. Laptjeva M. L., Lukina N. V. Kombinatorika leksiko-grammaticeskikh razrjadov imen sushhestvitel'nyh v russkom jazyke [Combinatorics of lexical-grammatical categories of nouns in the Russian language]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Jazykoznanie, 2020, vol. 19, no. 3, pp. 27–37.
11. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1990. 685 p.
12. Orlova S. L. Perehodnye javlenija v sisteme leksiko-grammaticeskikh razrjadov imeni sushhestvitel'nogo v russkom jazyke [Transitional phenomena in the system of lexical-grammatical categories of a noun in the Russian language]. Universitetskij kompleks kak regional'nyj centr obrazovanija, nauki i kul'tury. Materialy vsersijskoj nauchno-metodicheskoj konferencii. Orenburg, Orenburgskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2016, pp. 2070–2073.
13. Potbnja A. A. Iz zapisok po russkoj grammatike. T. III. Ob izmenenii znachenija i zamenah sushhestvitel'nogo [From notes on Russian grammar. Vol. 3. About changing the meaning and substitutions of the noun]. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1968. 551 p.
14. Reformatskij A. A. Chislo i grammatika [Number and grammar]. Voprosy grammatiki. Sbornik statej k 75 letiju akademika I. I. Meshhaninova. Moscow–Leningrad, AN SSSR Publ., 1960, pp. 384–401.
15. Russkaja grammatika: v 2 t. T. 1. Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija [Russian grammar in 2 volumes. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology.]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 784 p.

16. Slovar' russkogo jazyka: V 4 tt. Ed. by A. P. Evgen'evoj. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1985–1988, vol.: 1. (A – J), 1985, 696 p.; vol.: 2. (K – O), 1986, 736 p.; vol.: 3. (P – R), 1987, 752 p.; vol.: 4. (S – Ja), 1988. 800 p.
17. Sovremennyj russkij jazyk: v 3 ch. Ch. 2. Slovoobrazovanie. Morfologija [Modern Russian language: At 3 p. P. 2. Word formation. Morphology]. Ed. by N. M. Shanskij, A. N. Tihonov. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1981. 270 p.
18. Chernejko L. O. Lingvofilosofskij analiz abstraktnogo imeni [Linguistic and philosophical analysis of an abstract name]. Moscow, Knizhnyj dom LIBROKOM Publ., 2010. 272 p.
19. Chesnokova L. D. Russkij jazyk. Trudnye sluchai morfologicheskogo rasbora [Russian language. Difficult cases of morphological analysis]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1991. 191 p.

**COLLECTIVE OR MATERIAL:
ON THE PROBLEM OF DETERMINING
THE LEXICAL-GRAMMATICAL CATEGORY OF SOME NOUNS**

Chabanenko T. S.

The article shows an example of reasoning that makes it possible to determine the lexical-grammatical category of nouns in cases where it is not obvious. The nouns naming fruits and berries of plants which have the same name, such as "strawberry", "currant", "grape" and similar, are interpreted ambiguously in explanatory dictionaries, many of them are marked "collective". We are sure that the distribution of nouns into lexical- grammatical categories should be based primarily on their semantics, the description of which is still ambiguous and incomplete. Thus, in the definition of both material and collective nouns, the concepts of "integrity" and "uniformity" are used, which prevents the differentiation of these categories. Functionally, material and collective nouns differ. The former convey the categories of the lowest level, which comprise all objects of the surrounding world, and the latter are intended to denote categories of a higher level, which are combined due to the appearance of some important new feature. This difference helps to unambiguously define the lexical-grammatical category of the words "strawberry", "currant", "grape" and similar. Our conclusion is confirmed by an analysis of the syntagmatic and derivational features of the words of this thematic group. The use or disuse in singular and plural forms cannot serve as a distinguishing criterion for material and collective nouns.

Keywords: lexical-grammatical category, material nouns, collective nouns, semantics.